

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

ОПЕРА

Роман

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2018

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бел = Рус)-44
Т65

Трахимёнок, С. А.

Т65 Оперá : роман / Сергей Трахимёнок. — Минск : Четыре четверти, 2018. — 204 с.
ISBN 978-985-581-183-2.

Среди почти четырех десятков книг Сергея Трахимёнка, изданных в Беларуси и России, есть два романа о контрразведчиках — «Игры капризной дамы» и «Записки “черного полковника”». Новый роман «Оперá» продолжает тему. В нем капризная дама по имени «судьба» сводит в Минске бывших выпускников Высших курсов КГБ Айвазяна, Ивкина и Клейменова для участия в необычной, даже для их профессионального опыта, акции.

С. Трахимёнок — мастер острого сюжета. И в новом его произведении «шпионская» интрига сохраняется до конца повествования, заставляя читателя волноваться об исходе событий и искренне сопереживать его героям.

**УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бел=Рус)-44**

ISBN 978-985-581-183-2

© Трахимёнок С. А., 2018
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2018

Пролог

Владимир Жданович, он же старший лейтенант, он же сотрудник, должность которого значилась как старший оперуполномоченный некоего отделения, некоего отдела и некоего управления Комитета государственной безопасности, проснулся рано утром и стал собираться на службу.

Он плохо выспался, потому что восьмимесячная дочка перепутала день с ночью и бодрствовала вместе с женой до самого утра. И хотя жена не пыталась подключить к процессу общения Владимира, спал он вполглаза, хотя, точнее сказать, вполуха. Однокомнатная квартира была перегорожена ширмой. В одной половинке были детская кроватка, в которой спал четырехлетний сын, и раскладушка для отца. Во второй стояла тахта, на которой разместились мать с дочерью.

Жданович прошел на кухню, приготовил себе овсяную кашу и съел ее с кусочком соленого сала. Такому завтраку его научил бывший начальник отделения. Тот был охотником.

— Утром на охоте бросил себе в рот несколько пластиков соленого сала, закусил хлебом и до вечера голода не чувствуешь, — говорил он.

Володя попробовал, и ему понравилось, поскольку на полноценный обед чаще всего времени не хватало, лишь несколько чашек кофе между завтраком и ужином умеряли чувство голода.

Уже одеваясь, он услышал, как завозилась на тахте жена. Потом открылась дверь в коридор, и она спросила:

— Ты мог бы заплатить за квартиру, пришла жировка¹?

— Нет, Оксана, сегодня у меня шebutной² день.

— У тебя каждый день шebutной, — ответила жена.

— Бачили вочи, шо куповали, — сказал он, намекнув на украинское происхождение второй половины.

— Бачили, — сказала она, — но ты был другим.

— Не начинай, — произнес он, — ты прекрасно знаешь, что я двоеженец, женат сначала на службе, а потом на тебе.

— Ты женат на мне, — категорично заявила жена, — купишь детского питания. По пять банок овощного и мясного пюре. Запомнил?

— Запомнил, — ответил он, — до вечера.

¹ **Жировка** — счет за квартиру.

² **Шebutной** (сленг) — беспокойный.

Выйдя из дома, он прошел на остановку, дождался автобуса, идущего до метро, и через полчаса был на службе. Доложив начальнику о своих планах, он стал просматривать сводку происшествий, но его прервал звонок мобильного.

Владимир посмотрел на табло. Номер не определялся. Он нажал на клавишу «разговор». Знакомый голос произнес:

— У меня тут планы изменились, подъезь к Никифорову, возьми у него то, что он передаст.

— И кому отдать?

— Никому, у тебя это заберут по возвращении. Да, пешком не ходи, возьми такси.

Выходя из управления, Жданович встретил однокашника по Институту национальной безопасности.

— Есть непроверенные данные, что тебе хотят присвоить капитана досрочно, — сказал тот.

— Источник? — спросил его Владимир.

Однокашник неопределенно кивнул в сторону генеральского коридора.

— Ну, тогда есть шанс, — ответил ему Жданович.

Он вызвал такси, смотался по указанному адресу, забрал коричневый кейс и снова сел в ожидающую его машину. Но тронуться такси не дали. Ее довольно технично одновременно заблокировали два автомобиля.

— Твою мать, — только и успел сказать таксист.

На большее не хватило, потому что его и пассажира мгновенно вытащили из машины люди в масках. Водитель оказался в одной машине, а Жданович в другой, кто-то довольно ловко закрепил на его руке один браслет наручника, вторым скрепив его с кейсом.

Привезли его в родное управление, только с тыльной стороны.

В одном из кабинетов службы собственной безопасности его сфотографировали вместе с кейсом, а потом вообще стали снимать на видеокамеру, комментируя каждое действие.

— Это ваш кейс?

— Нет.

— Вы получили его у Никифорова?

— Да.

— Что в нем?

- Не знаю.
- Кому надо было его передать?
- У меня должны были его забрать.
- Кто?
- Не знаю.
- Кто отдал вам приказ взять кейс?
- Я не буду отвечать на этот вопрос.
- Прекрасно.

Сотрудник ОТО³, которого пригласили в кабинет, с удивлением смотрел на классного опера Володю Ждановича, «прикованного» наручниками к кейсу. Технарь быстро вскрыл замки, и перед присутствующими предстало нутро кейса, набитое пачками долларовых бумажек.

- Чьи это деньги? – спросил следователь.
- Наверное, того, кто их туда положил.
- А кому они должны быть переданы?
- Я уже отвечал на этот вопрос.
- Может, на сегодня хватит? – спросил один из сотрудников службы собственной безопасности.
- Нет, еще один вопрос, – произнес следователь, – вы не отрицаете того, что взяли указанный кейс у Никифорова?
- Нет.
- Ну, вот теперь достаточно... на первый раз, – сказал следователь.

Ждановича провели по коридору в наручниках, и через некоторое время он оказался в следственном изоляторе или «американке», как звали его сотрудники. Потом была долгая и нудная процедура оформления. И вот он уже в камере. Дверь захлопнулась, как пасть волчьего капкана, разрезав его жизнь на две части: до и после.

Но больно ему стало не от этого. Пронзительная тоска охватила все его существо: он не успел купить детское питание дочке и, наверное, уже никогда не сможет сделать этого...

³ОТО – оперативно-технический отдел.

Часть первая, которая должна быть второй

Клейменов Вячеслав. 1989

На площади перед администрацией речпорта остановилась «Волга» серого цвета, из нее вышел Клейменов. Он не спеша огляделся и направился к входу в здание. Там прошел на второй этаж и открыл дверь приемной. На месте секретарши никого не было, и он подумал, что у него есть моральное право пройти к боссу. Что он и сделал, толкнув ногой двери кабинета начальника речпорта, на которых было написано «Мотовиловский Н. Н.».

Поскольку с Мотовиловским Клейменов, хотя и шапочно, был знаком, он поприветствовал хозяина кабинета и не стал представляться. Хозяин как деловой человек тоже не стал притворяться несведущим человеком, а сразу указал гостю на стул приставного столика и сказал:

- Чем я заинтересовал спецслужбы на этот раз?
- Николай Николаевич, не поверите, но сегодня я к вам по личному вопросу... Касающемуся вас лично.
- Меня?
- Ну да.
- А я, признаться, обрадовался, думаю, вы будете меня просить включить вас в члены нашего дачного кооператива.
- Вы в курсе, что у меня нет дачи?
- Да.
- И хотели бескорыстно...
- Ну не совсем бескорыстно. Представьте себе: вы мой сосед по даче и через некоторое время становитесь начальником Н-ского управления, и я — самый защищенный человек в Н-ске.
- Это шутка?
- Нет, все совершенно серьезно.
- Нет, несерьезно. Дачу мне не надо — это раз, и начальником управления я никогда не буду — это два.
- Почему же?
- Чиновники нашего ведомства изначально делятся на две категории: начальники и специалисты. Так вот я отношусь ко второй категории. Я нужнее начальникам на своем месте, а они, с одной стороны, не выпустят меня из касты специалистов, а с другой — не пустят в касту начальников.
- Интересная философия.

— Возможно, но я пришел не по этому поводу. Совершенно случайно появилась информация, которую нет времени проверять.

— Она касается меня?

— Да. Она о том, что на вас готовится покушение...

— Вячеслав, на меня эти покушения готовятся уже очень давно. Это мои конкуренты и завистники меня заказывают. Но не по-настоящему.

— Это как?

— Понарошку, чтобы иметь средства воздействия на меня.

— Вы полагаете?

— Да. Ведь если бы это было не так, то вы вряд ли могли узнать об этом. А они распространяют слух, дабы оказать на меня давление.

— Логика есть, но вы все-таки проявили бы осторожность. Наняли бы охранника...

— По какой статье я его проведу?

— Ну это совсем несерьезно, у вас же появились свободные деньги...

— Это кто вам сказал?

— Коллеги из экономического отдела.

— Не верьте им, они, скорее всего, в доле с моими конкурентами.

— Николай Николаевич, ну нельзя же так облыжно, бездоказательно...

— Вот и я об этом же, и, тем не менее, спасибо за предупреждение.

Мотовиловский поднялся, подошел к Клейменову и пожал руку, давая понять, что разговор закончен.

— И все же, — сказал Клейменов, выходя из кабинета, — я бы принял меры.

В приемной уже была секретарша.

— Как вы туда попали? — спросила она строгим голосом.

— Через дверь, голубушка, через дверь.

Секретарше хотелось ответить, что она не голубушка, но посетитель не был похож на просителей, которые постоянно атакуют шефа. Уж очень уверенно он себя вел, и, может, не стоило продолжать зубатиться с ним дальше.

Подождав, пока за Клейменовым закроется дверь, она заглянула в кабинет босса.

— Валя, — сказал босс, увидев секретаршу на пороге, — мне сообщили очень важную новость, настолько важную, что я, пожалуй, поеду домой и подумаю о ней там.

- Что говорить посетителям и звонящим?
- Я в горисполкоме. Вызови мне машину.
- Она перед входом в здание.

Мотовиловский взял свой портфель и покинул кабинет. А Валя по-хозяйски разместилась в своем кресле в приемной: теперь она самый главный человек в конторе.

Как только начречпорта вышел на крыльцо администрации, к нему тотчас же подкатила черная «Волга» последней модели. Он сел на заднее сиденье, машина тронулась с места, и только потом водитель спросил:

– Куда?

– Домой, — ответил босс и снял трубку мобильного телефона, коим он гордился, потому что таковыми были оборудованы только машины секретарей обкома и крупных директоров Н-ска.

– Володя, — произнес он, — услышав, что на противоположном конце сняли трубку, — получил подтверждение очередного наезда на меня...

– От кого?

– От конторы.

– Тогда это серьезно.

– Что будем делать?

– Нанимать охрану. Ты где сейчас?

– Еду домой.

– Прекрасно, а где находишься?

– Только что выехал из речпорта.

– Будь дома, а я постараюсь найти неслабых ребят и при-
слать к тебе...

– Годится, — произнес Мотовиловский и положил трубку на рычаг.

Карлен Айвазян. 1986

Карлен лежал на кровати в комнате глинобитной хижины, довольно просторной, но грязной. Впрочем, редкие попытки обитателей хижины, навести порядок сводились к подметанию веником из полыни земляного пола. А попытки хоть как-то украсить быт, а точнее, хотя бы обклеить стены обоями привели к тому, что полчища клопов, которые, согласно утверждениям афганцев, живут тысячи лет, кусавших, наверное, воинов Александра Маке-

донского, нашли под ними достойное столь древним жителям планеты пристанище. Обоим пришлось снять и сжечь. Стало немного легче, но, скорее всего, не практически, а психологически.

Хижина носила громкое название «вилла». Причем использовалось оно часто, походя и без всякой иронии.

По стенам комнаты было прибито несколько досок, своеобразные полки для снаряжения, посередине стоял треножник, на котором висел котел. Пространство под ним выложено камнями, но это кострище не использовалось, так как у обитателей виллы для приготовления горячей пищи был «Шмель» и несколько баллонов к нему. Хотя приготовление — громко сказано, это был, скорее, разогрев тушенки и прочих компонентов спецназовского пайка.

Один из трех обитателей виллы, Серега Мартыщенко, время от времени грозился изготовить двери, которые он называл почти как столяр-профессионал — межкомнатными и которые отделяли бы одну комнату от другой. Но все руки не доходили.

Сергей обещал сделать это, потому что время от времени пытался освоить игру на трофейной шестиструнной гитаре, мешая двум другим насельникам виллы — Карлену Айвазяну и Андрею Шулгину. Сергей был старожилом виллы, так как Карлен и Андрей прибыли позже, заменив двух других коллег шесть месяцев назад. И в шутку иногда напоминает коллегам об этом, как и о том, что он вот-вот возьмется за сооружение дверей, чтобы собратья по оружию могли полноценнее отдыхать и не слышать его уроков игры на гитаре.

Вот и сейчас он за стеной перебирает струны пальцами, места сбиваясь с ритма.

*Кому-то коньячок и осетринка,
И пива запотевшего бокал,
А в речке Кокча водится маринка —
Костлявее я рыбки не егал.*

Вообще-то, афганцы не ловят, ну и соответственно не едят маринку. А Карлен ее ел, точнее, пробовал, когда летчики вертолетного полка, очумев от однообразия консервированной пищи, решили порыбачить, сбросив в означенную речку несколько гранат. Затем выловили оглушенную рыбу и сделали из нее что-то вроде рыбного фарша.

А Серега, между тем, продолжает:

*А где-то утром рано после пьянки
Домой плетется интеллектуал.
А в Файзабаде водятся фаланги,
Я тварей ядовитей не встречал.*

Карлен слышал об этих тварях, но, слава Создателю, лично их не видел. А Сергей, между тем, приближается к кульминации песни, так любимой контрразведчиками.

*Наверное, пешком и без патронов,
Но я в Союз бы с радостью ушел.
Но в Бадахшане водятся шпионы,
Которых я пока что не нашел.*

О, шпионы водятся не только в Бадахшане. Здесь в Афганистане они на каждом шагу, если считать за таковых всех — от американских, пакистанских инструкторов и контрразведки душманских банд до продавцов в дуканах, а также стариков, сидящих возле КПП воинских частей шурави⁴, и бачат, мальчишек-подростков, крутящихся там, где есть военный контингент или просто подозрительные люди, не похожие на афганцев.

Правда, первые с большой осторожностью проникали на территорию Афганистана, в основном работали в лагерях на территории Пакистана. Но однажды Сереге Мартыщенко удалось «поймать такого шпиона». По наводке его агента спецназ из засады взял караван с оружием. Взял непосредственно у границы, хотя граница между Пакистаном и Афганистаном на отдельных ее участках вещь весьма условная.

Пленные караванчики не ожидали столь быстрого налета и почти не оказали сопротивления. Именно Мартыщенко обратил внимание на допросе, что один из них имел при себе часы, время на которых отличалось от афганского на час. Сергей сообразил, что это один из инструкторов дальнего лагеря на территории Пакистана, который ушел в рейд с душманами, дабы лично поучаствовать в операции по доставке оружия тем, кто воюет против шурави.

Итак, шпионов в Афганистане много, имя им «легион», и при всей пестроте их они весьма эффективно решают свои задачи, потому что в том числе пользуются отработанными веками средствами связи.

⁴Шурави (афг.) — советские военнослужащие в Афганистане.

Перевернувшись на кровати, так что под матрасом заскрипели ремни (афганская кровать — это рама, поверх которой натянуты кожаные полосы-ремни), Карлен вспомнил своих преподав на Высших курсах КГБ. Они часто приводили пример внедрения в абверовскую школу «Сатурн» агента, который вырос там до начальника учебной части, имел доступ ко всем документам, знал в лицо и по псевдонимам всех курсантов, но не имел надежной устойчивой и оперативной связи, что сводило на нет весь эффект от его внедрения в разведшколу противника.

В Афганистане же все, что работало против шурави, было с одной стороны допотопно, с другой — надежно. Взять хотя бы сигнальщики бачат, которые располагаются вокруг воинских частей. Каждый уважающий себя афганец имеет маленькую металлическую коробочку, в которой носит насвай⁵. Одна сторона коробочки полируется до блеска и служит зеркалом. И с помощью такого зеркала можно передавать сигналы на несколько километров, особенно в горах. Практично, бесшумно и эффективно, а также не требует источников питания.

Стоит только колонне автомашин, бээмпэшек выйти за пределы КПП, как в горы или некую возвышенность уходит первый сигнал, вторая линия наблюдения за шурави тут же приводится в действие и уже взрослые душманы анализируют возможные цели колонны в зависимости от количества машин и бойцов, находящихся под тентами и броней, и сигнализируют об этом далее. Поэтому все, что не должно попасться на глаза шурави, мгновенно прячется за дувалы, на улицах исчезают вооруженные люди, а те, которые только что были с оружием, мирно ходят вдоль торговых рядов на базарах и нарочито громко торгуются с продавцами.

Вячеслав

Черная «Волга» Мотовиловского с трудом выбралась из пробки на Красном проспекте и свернула к Федоровым баням, пытаясь не застрять еще раз. Но на улицах час «пик», и многие водители делали то же самое, надеясь на второстепенных улицах не попасть в заторы на главных, и тем самым создавали другие пробки уже на маленьких улицах, где разъехаться, разминуться или обогнать друг друга еще сложнее. Но, как бы ни было рано или поздно, все

⁵ **Насвай** — жевательная масса, обладающая наркотическим эффектом.

дороги заканчиваются. Закончилась и эта поездка. И Мотовиловский обрадовался этому, хотя что с него взять: он был человеком, а человек, как известно, предполагает, а вот располагает всем и всеми Создатель.

«Волга» остановилась неподалеку от подъезда дома, где жил начальник речпорта, так как подъезд был перекрыт огромным мусоровозом.

— Завтра к семи, — сказал Мотовиловский водителю и вышел из машины.

Автомобиль начал неспешный разворот, чтобы вернуться в гараж. А Мотовиловский направился к своему подъезду. Навстречу ему из подъезда вышел парень с перекинутым через предплечье плащом. Он сдвинул плащ с руки, обнажая пистолет, и выстрелил. Мотовиловский упал, а парень выстрелил еще раз в лежавшего на земле начальника речпорта и, не меняя скорости, скрылся за углом дома, где его ждала старая «копейка».

Парень не видел того, что происходило далее возле подъезда, но хорошо слышал женский истошный крик:

— Мужчину убили!..

— Это не мужчина, — ответил ей мужской голос, — это Мотовиловский.

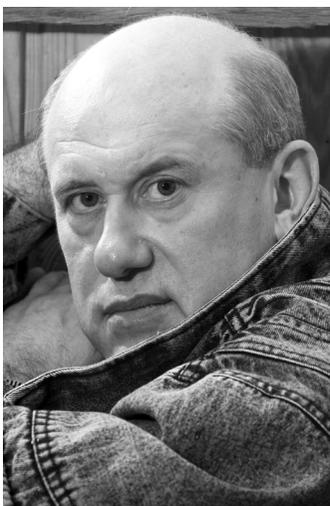
— Мужчина, мужчина, — философски произнес убийца, садясь в поджидающий его автомобиль, — пусть бросят в меня камень, если это женщина.

...В ночь после убийства Мотовиловского случилась еще одна странная и страшная история. Произошла она с начальником отдела областного управления внутренних дел Петрухой.

Он задержался на работе, а поскольку в предыдущую ночь был в засаде на одной из квартир, где у предполагаемого киллера было лежбище, уснул. Проснулся около двенадцати, выругался и, закрыв кабинет, вышел из управления на Каменской.

Честно говоря, уснул он и проспал несколько часов не только потому, что был утомлен. Желая поднять жизненный тонус, он выпил пару стопариков «Перцовки», что хранилась у него в сейфе. После того как в груди потеплело, он и прилег на диван.

Общественный транспорт уже не ходил, а поймать левака было невозможно, частые ограбления официальных таксистов и бомбил пассажирами сделали такие поездки по ночам весьма опасными для желающих подработать.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРАХИМЁНОК

Родился 7 февраля 1950 года в городе Карасук Новосибирской области. В 1977 году окончил Свердловский юридический институт. В 1981 году — Высшие курсы КГБ СССР. С 1990 года живет в Минске. Доктор юридических наук, профессор. Член Союзов писателей России и Беларуси. Признанный мастер остросюжетной прозы.

Автор более тридцати книг, вышедших в издательствах Минска, Москвы и Санкт-Петербурга. Четырнадцать кино- и видеофильмов сняты по его сценариям.

Обладатель «Золотого Купидона» — национальной литературной премии 2008 года за роман «Синдром выгорания» (Беларусь), лауреат литературной премии Уральского федерального округа 2012 года за роман «Чаша Петри, или Русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (Россия). Лауреат Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка 2015 года за книгу «Повести разных лет» (Россия). Дипломант национального кинофестиваля в Бресте (Беларусь-2007) и «Бородинская осень» (Россия-2008) за сценарий фильма «Чуть смелее других». Фестиваля спортивных фильмов в Липецке (Россия-2012) за сценарий фильма «Терновые венки Олимпа».

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	3
Часть первая, которая должна быть второй	6
Часть вторая, которая должна быть первой	149
Эпилог	199
<i>Об авторе</i>	202